

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1773—1775 годах

(К 200-ЛЕТИЮ)

В. В. Мавродин

Утром 16 сентября 1773 г. на хуторе Толкачевых Е. И. Пугачев призывал казаков послужить ему верой и правдой, жаловал их реками и травами, хлебом, свинцом и порохом, обещал старую казацкую «вольность восстановить» и обеспечить всем благоденствие. 17 сентября отряд Пугачева, насчитывавший человек 60 казаков, калмыков и татар, двинулся на Яицкий городок. Так началась последняя в истории России крестьянская война, оставившая глубокий след в памяти народа, в истории общественно-политической мысли.

К Пугачеву нельзя было относиться безразлично. Для простых людей он остался народным вождем, тем самым «хорошим царем», о котором мечтало многомиллионное крестьянство в России. Для представителей господствующего класса он был «бунтовщиком», «злодеем», «разбойником», «самозванцем», «кровопийцей», осмелившимся поднять руку на их собственность и угрожавшим их благополучию, их праву властвовать, наконец, самой их жизни. Крестьяне и работные люди, казаки и трудовой люд нерусских народностей воспевали его в песнях и складывали о нем «сказы», «рассказывали истории», «положенные на голос», для них он оставался «красным солнышком», «Емельяном-батюшкой», «радельным до мужиков», «богатырем», «атаманом», «добрым молодец», и даже когда «погиб Емельянушка, то слава о нем не погибла». Дворяне, духовенство, чиновники жгли его изображения и предавали анафеме, шельмовали и проклинали в манифестах, указах и обращениях, свирепо и беспощадно искореняя все, что относилось к Пугачеву, и под страхом «мучительнейшей смерти» запрещали даже упоминать имя вождя мятежного люда, заменив его стандартной и злобной формулой: «известный вор, злодей и самозванец». И такое отношение к Пугачеву, к возглавленному им восстанию характерно не только для современников «набеглого царя», но и для грядущих поколений. Оно нашло отражение в устном народном творчестве и исследованиях историков, в художественной литературе и изобразительном искусстве, в театре и музыке. Отношение к Пугачеву обуславливалось классовыми симпатиями и антипатиями, в какой бы неопределенной и аморфной форме они ни выражались.

В течение длительного времени в России место общественного деятеля, ученого, писателя, художника, публициста в развитии общественно-политической мысли, их мировоззрение и творческая деятельность определялись отношением их к крестьянству, его борьбе. Поэтому в исторической науке и художественной литературе, публицистике и изобразительном искусстве в отношении к крестьянской войне 1773—1775 гг. могут быть прослежены два направления: прогрессивное (демократическое и революционное) и реакционное (дворянское и буржуазное).

Первый русский революционер А. Н. Радищев, отрицательно относясь к самозванству Пугачева (что вытекало из его республиканских убеждений), оправдывал неистребимую ненависть крестьян к крепостникам и расправу с ними¹.

В его произведении «Беседы о том, что есть сын отечества» звучат мотивы пугачевских манифестов. Многие декабристы видели в Пугачеве «великую историческую личность», «русского Спартака», человека из народа и для народа, который «стоял за свободу» (А. В. Поджио), вождя народного движения, очень опасного для правительства (В. Ф. Раевский), руководителя восставшего народа, народа, лишенного собственности и гражданских прав (П. Г. Каховский)².

Революционные демократы неизменно выражали свое положительное отношение к восстанию Пугачева. Много и убедительно писал о нем А. И. Герцен, не стесненный в эмиграции рогатками цензуры. Он подчеркивал, что Пугачев — «человек не книги, а народа», возглавивший народное восстание, революционное, несмотря на то, что оно «пробуждается с призывом царского имени». После поражения восстания «народ сломился», а сам Пугачев был оклеветан, но значение возглавленного им народного движения, по мнению А. И. Герцена, было очень велико, так как крепостное право в России может пасть «по милости пугачевщины»³. Н. П. Огарев усматривал причину успехов Пугачева и популярности его в народе в том, что хотя он и «действовал во имя царя», но обещал народу свободу от крепостничества и возглавил борьбу за волю. Свое отношение к Пугачеву Огарев выразил в письме Е. А. Салиасу: «...Если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты»⁴.

Идеологи крестьянской революции — революционные демократы, которых не могли испугать «ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» (Н. Г. Чернышевский) — с глубоким интересом и сочувствием относились к крестьянской войне 1773—1775 гг., но условия цензуры не позволили им подробно изложить в печати свои взгляды на нее. Они усматривали причину восстания в крепостническом строе, в стремлении крестьян, когда «мера терпения... истощилась», добыть себе «лучшую участь», мысль о которой «бродит... в умах их, вследствие фактов прошедшей жизни»⁵.

Крестьянская война 1773—1775 гг. нашла отражение в исторической и художественной литературе. Напуганные остротой классовых противоречий и размахом народного движения, резко отрицательную характеристику Пугачеву и возглавленному им движению дали М. М. Щербатов и Г. Р. Державин, А. П. Сумароков и Д. И. Фонвизин.

В дореформенной России специальных работ, посвященных истории восстания Пугачева, издано быть не могло, так как само упоминание его имени строжайше запрещалось. Исключением явилась «Исто-

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Т. I. М.-Л. 1938, стр. 178, 305, 320; Э. Виленская. Исторические взгляды Радищева. «Вопросы истории», 1949, № 9.

² А. В. Поджио. Записки декабриста. М.-Л. 1930, стр. 55, 68, 80—81; В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.-Л. 1949, стр. 122—123; «Из писем и показаний декабристов». СПб. 1906, стр. 18; С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.-Л. 1958.

³ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах. М. 1954—1956. Т. VII, стр. 187, 228, 337; т. XII, стр. 110, 198, 211, 261; т. XIII, стр. 156; «Литературное наследство». Т. 61. 1953, стр. 178; В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды А. И. Герцена. «Вопросы истории», 1952, № 10.

⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М. 1956, стр. 106; «Литературное наследство». Т. 61. 1953, стр. 203.

⁵ В. Г. Белинский. Письма. Т. II. СПб. 1914, стр. 195—196; его же. Избранные сочинения. М. 1947, стр. 523; Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 1936, стр. 128, 166, 198; т. 4. М. 1937, стр. 249; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1939, стр. 67; т. 3. М. 1947, стр. 154; В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды Белинского. «Вопросы истории», 1948, № 7; его же. Исторические взгляды Белинского. М. 1953; Н. Г. Сладкевич. Исторические взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «Вопросы истории», 1949, № 2.

рия Пугачева» А. С. Пушкина. Великий русский поэт был первым историком крестьянской войны 1773—1775 годов. Пушкин отнесся с сочувствием к попытке народа добиться воли, а самого Пугачева в «Капитанской дочке», по словам П. И. Чайковского, охарактеризовал как, в сущности, «удивительно симпатичного». А. С. Пушкин изучал современную ему литературу, работал в архивохранилищах и создал труд, в котором поднялся на небывалую для своего времени высоту творческой мысли⁶. «История Пугачева» явилась книгой не только исторической, но и политической. В. Г. Белинский считал ее «примечательным явлением» в области русской «ученой литературы», «пером Тацита написанной на меди и мраморе»⁷.

М. Горький назвал «Историю Пугачева» Пушкина замечательной попыткой «поэта говорить точным языком историка»⁸. Конечно, А. С. Пушкин не чужд был чувства осуждения «русского бунта», «бессмысленного и беспощадного» (как устами Гринева он характеризует пугачевское восстание), и считал, что исторические перемены должны происходить «без насильственных потрясений политических»⁹. В. И. Ленин подчеркнул эту сторону мировоззрения А. С. Пушкина; приведя изречения Гринева из «Капитанской дочки», он писал: «Мы несколько не преувеличиваем силы этих (революционных.— В. М.) элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой»¹⁰.

Передовое направление в исторической науке в оценке крестьянской войны 1773—1775 гг. представлено трудами стоявшего одно время на позициях революционных демократов А. П. Щапова и Д. Л. Мордовцева, хотя работы последнего полны противоречий: в одних он доказывает необходимость восстания, усматривает в Пугачеве сильную, смелую, величавую натуру, в других — характеризует это восстание как «ужасный пожар», «мрачное пятно», «дикую оргию». Представитель народнического направления в русской исторической науке В. И. Семевский верно и добросовестно передавал исторические факты. К тому же направлению, но более позднего времени, периода либерального народничества, принадлежал Н. Н. Фирсов. В своих работах он подчеркивал, что «глубоко выстраданное» восстание Пугачева преследовало цель добиться прежде всего «вольности» и установить «простонародное мужицкое царство». Само восстание он рисует мрачными красками, подчеркивая жестокость и «пороки» «сбродных полчищ самозванца». В то же время Фирсов отмечает, что «кровавый призрак пугачевщины» сыграл большую роль в решении крестьянского вопроса в царствование Александра II¹¹.

⁶ А. Чхеидзе. «История Пугачева» Пушкина как историческое исследование. «Труды» Тбилисского государственного педагогического института имени А. С. Пушкина. Т. 5. 1948; ес же. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси. 1963; Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. 1949; Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л. 1969; Б. Д. Греков. Исторические воззрения Пушкина. «Исторические записки». Т. I. М. 1937; Ю. Оксман. Пушкин в работе над «Историей Пугачева». «Литературное наследство». Кн. 16—18. 1934; Н. Н. Степанов. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л. 1949.

⁷ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. М. 1937, стр. 561, 610; Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. 1968.

⁸ М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М. 1953, стр. 257.

⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. II. Изд. АН СССР. 1949, стр. 258.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 228—229.

¹¹ А. П. Щапов. Сочинения в 3 томах. СПб. 1906—1908. Т. I; ес же. «Неизданные сочинения...». «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Т. 33, вып. 2—3; т. 34, вып. 4. 1927; Д. Л. Мордовцев. Политические движения русского народа. СПб, б/г; ес же. Самозванцы и понизовая вольница. Тт. I—II. СПб.—М. 1867; ес же. Пугачевщина. «Вестник Европы», 1866,

Появление работ, специально посвященных восстанию Пугачева, стало возможным лишь накануне и в годы революционной ситуации 1859—1861 гг., когда пугачевская тематика прорвалась сквозь цензурные рогаки. В предреформенный период, когда, по словам Н. Г. Чернышевского, в литературе сосредоточивалась почти вся умственная жизнь народа¹², крестьянская война 1773—1775 гг. привлекла внимание многих писателей. О ней упоминал в своем «Вадиме» М. Ю. Лермонтов, Т. Г. Шевченко в «Москалевой крынице» и в повести «Близнецы». В пореформенное время Д. Н. Мамин-Сибиряк создал яркое произведение «Охоины брови», в котором правдиво изобразил пугачевское восстание на Урале. В. Г. Короленко собрал фольклор и написал своего «Набеглого царя» и «Пугачевскую легенду на Урале».

Пугачевская тематика привлекала к себе внимание также реакционных дворянских и буржуазных историков и писателей. Рецензент Пушкина В. Броневский, либеральный народник Н. К. Михайловский, быстро эволюционировавший вправо бывший издатель, редактор «Московского телеграфа» Н. А. Полевой, историки Д. Анучин, Н. Дубровин, П. Щербальский отрицательно характеризовали самого Пугачева и возглавленное им движение. В художественной литературе такая оценка восстания нашла отражение в «Пугачевцах» Е. А. Салиаса и «Черном годе» Г. П. Данилевского. Она была обусловлена страхом перед поднимающимся на борьбу народом. Этот страх перед мятежным крестьянством М. П. Погодин в годы Крымской войны определил несколькими словами: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев»¹³.

Интерес к восстанию Пугачева возрастал по мере обострения классовой борьбы в России, и любой представитель общественно-политической мысли, историк-исследователь или популяризатор, любой художник слова, сосредоточивший свое внимание на крестьянской войне 1773—1775 гг., отношением к ней выражал свое политическое кредо. Восстание Пугачева было тем зеркалом, в котором отражалось политическое лицо каждого, кто брался за перо для того, чтобы посвятить ему хотя бы пару строк. Пугачевская тематика оставалась политической даже тогда, когда облекалась в сугубо академическую форму.

Новый этап в разработке истории крестьянской войны 1773—1775 гг. связан с появлением и распространением марксизма, создавшего стройную теорию о роли классовой борьбы крестьянства в истории.

В работах основоположников научного социализма содержатся и оценки крестьянской войны 1773—1775 годов. Ф. Энгельс, например, писал, что это было «последнее великое крестьянское восстание». Он подчеркивал, что русский народ устраивал «бесчисленные разрозненные крестьянские восстания», которые направлялись «против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя — никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился самозванец»¹⁴.

В. И. Ленина проблема классовой борьбы крестьянства интересовала в связи с разработкой им вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в революции. Характеризуя роль крестьянства в революции, он писал: «Века крепостного гнета и десятилетия форсированного по-

т. I, март; его же. Самозванец Богомолов. «Парус», 1859, № 1; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб. 1881; т. II. СПб. 1901; его же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. I. СПб. 1888; его же. Крепостные крестьяне при Екатерине II. «Русская старина», 1876, т. XVII; Е. Чернышев. Революционный демократ-историк А. П. Шапов. «Вопросы истории», 1951, № 9; П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. М. 1954.

¹² Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л. 1930, стр. 345.

¹³ М. П. Погодин. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856 гг. М. 1874, стр. 262.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 547.

реформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости» у крестьян¹⁵. Вот поэтому-то, «когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»¹⁶. Не надо забывать, напоминая В. И. Ленин, что «крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворянского и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу...»¹⁷. Именно поэтому, подчеркивает В. И. Ленин, в те времена, когда царило крепостное право, врагом его являлось «все крестьянство как целое»¹⁸.

«Вся прошлая жизнь крестьянства,— писал В. И. Ленин,— научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»¹⁹. Крестьяне пытались найти его в восстаниях. Но что это были за выступления? Говоря об идее уничтожения помещичьей собственности, о полном свержении власти помещиков, В. И. Ленин подчеркивает, что «эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян». Но «века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы», что даже во время реформы крестьяне были неспособны «ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием»²⁰. Это не означает, однако, что крестьянство совершенно не представляло себе цели своих выступлений и не пыталось в отдельных случаях преодолеть присущую крестьянскому движению локальность²¹. В. И. Ленин указывал, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности», что даже «примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности»²². Особенно характерно это явление для крестьянских войн и в первую очередь для последней из них. Но в единоборстве с феодалами конечная победа останется не за крестьянами. Крестьян в их борьбе с крепостничеством должен возглавить другой класс — или буржуазия, или пролетариат. Но в России слабая и малочисленная буржуазия не могла и не хотела возглавить решительную борьбу с феодализмом и, таким образом, вести за собой крестьянство. Она боялась народных масс в не меньшей степени, чем дворянство. Рабочий класс, который мог поднять крестьян на штурм феодализма, еще не сформировался. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»²³.

Как и за что боролось крестьянство? Говоря о том общественном строе, который смутно представлялся крестьянству и к которому оно стремилось, В. И. Ленин подчеркивал, что крестьянство «относилось очень бессознательно, патриархально, по-юрродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе...»²⁴. Отсюда и вера в «хорошего царя», столь характерная для крестьян в России. В. И. Ленин

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 210—211.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 194.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 306.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 311.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 211.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 174.

²¹ См. В. В. Мавродин. Историческое значение крестьянских войн в России. «Методологические вопросы общественных наук», Л. 1968, стр. 204.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 29—30.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 194.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 211.

считал крестьянскую войну войной гражданской. Восстание Спартака он характеризовал как гражданскую войну. Гражданской В. И. Ленин называл и крестьянскую войну в Германии. «Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»²⁵. Поэтому не только в крестьянских войнах (хотя в них в первую очередь), но и во всей классовой борьбе крестьянства на авансцену выступает основная цель восставших — «изгнание помещиков и захват помещичьих земель... Крестьянского восстания без расправы с помещиками и захвата земель никто не стал бы, наверное, и представлять себе»²⁶. Речь шла не о том, чтобы одни варианты феодальных отношений сменить другими, не о форме и норме уступок со стороны феодалов, не о каком-либо договоре между двумя непримиримыми врагами — феодалами и крестьянами, а о ликвидации всей крепостнической системы в целом²⁷.

В. И. Ленин обращал специальное внимание на движение Разина и Пугачева. В статье «О чем думают наши министры?», написанной для газеты «Рабочее дело» еще в 1895 г., но опубликованной только в 1924 г., он сообщал о совершенно доверительном письме министра внутренних дел Дурново обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву от 18 марта 1895 г. по поводу воскресных школ. У преподавателя одной из воскресных школ при обыске было отобрано письмо. «В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева. Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы»²⁸. Говоря об ужасе, внушаемом господствующему классу и самодержавию классовой борьбой крестьянства, напоминающей о «грозной пугачевщине», В. И. Ленин писал по поводу реформы 1861 г.: «Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу»²⁹. Труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина стали для советских историков методологической основой для изучения истории классовой борьбы крестьян в феодальной России, в частности крестьянской войны 1773—1775 годов.

В январе 1925 г. советская общественность широко отметила 150-летие со дня гибели Е. И. Пугачева. К этой дате были изданы специальные работы, публикации и исследования, статьи в периодической печати. Восстание Пугачева нашло яркое отражение в советской художественной литературе. «Пугачев» С. Есенина и «Вьюга» Н. Асеева, «Золотой Ключ» А. Караваевой, «Пугачевщина» С. Ауслендера явились свидетельством того интереса к «набеглому царю» и возглавленной им крестьянской войне, который проявили в 20-х годах советские писатели. В 30-е годы вышли в свет произведения М. Зуева-Ордынца «Хлопушин поиск», Е. Федорова «Челяба» и «Каменный пояс», О. Форш «Казанская помещица», С. Злобина «Салават Юлаев», историческое повествование В. Шишкова «Емельян Пугачев». Крестьянскую войну 1773—1775 гг. и ее предводителя запечатлели на своих полотнах М. И. Авилов («Рабочие привозят Емельяну Пугачеву пушки», «Помощь уральцев Пугачеву»), С. В. Герасимов («Восстание Пугачева»), П. П. Соколов-Скаля («Емельян Иванович Пугачев»), отразили на экране Н. Зархи и Ю. Тарич («Пугачевщина»), О. Форш и П. Петров-Бытов («Емельян Пугачев»),

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 77.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 319.

²⁷ В. В. Мавродин. Историческое значение крестьянских войн в России, стр. 201.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 79.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 430.

на сцене театра К. Тренев («Пугачевщина»), в музыке М. Коваль («Емельян Пугачев»).

Советская историческая наука, взяв все лучшее, что было достигнуто в процессе развития домарксистской исторической мысли в России в области изучения классовой борьбы крестьянства, по-новому подошла и к истории восстания под руководством Пугачева, используя богатейшие архивные материалы, лежавшие долгие годы втуне. По инициативе М. Н. Покровского в Москву, в Центрархив, стали собирать архивные материалы, относящиеся к пугачевскому восстанию и хранившиеся в разных городах страны: Орле, Ирбите, Тобольске, Омске, Нижнем Новгороде, Вятке, Калуге, Казани, Ростове-на-Дону и др. В журнале «Красный архив» публикуются ценные источники: «Указы Емельяна Ивановича Пугачева и его коллегии», подготовленные С. А. Голубцовым³⁰, «Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши»³¹ и, наконец, «Допрос Емельяна Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774—1775 гг.»³², предисловие к которому написал С. Пионтковский. Одновременно Центрархивом было предпринято издание трехтомного собрания документов, порученное С. А. Голубцову. Первый том «Пугачевщины» вышел в свет в 1926 г., второй — в 1929 г. и, наконец, третий — в 1931 году. Начатая по инициативе М. Н. Покровского публикация материалов по истории крестьянской войны продолжается до наших дней. Большое количество источников было также введено в научный оборот в работах советских историков, исследовавших различные аспекты крестьянской войны 1773—1775 годов³³. Все это создало огромный фонд источников для дальнейшего изучения этого движения.

Для работ о восстании Пугачева, вышедших после Великой Октябрьской социалистической революции, характерна прежде всего положительная его оценка. Исклечение представляют труды Н. А. Рожкова, считавшего, что оно смотрело не вперед, а назад, что Пугачев был беспощадней правительства, а участники восстания стремились установить «порядки, существовавшие на заре русской истории»³⁴. Эти взгляды не нашли поддержки среди советских историков (если не считать работ М. Я. Феноменова и отчасти С. И. Тхоржевского)³⁵.

М. Н. Покровский от характеристики восстания Пугачева как «настоящей буржуазной революции» перешел к признанию, что это было «типичное восстание феодальных крестьян», в котором большую роль сыграли горнозаводские рабочие и нерусские народности³⁶. Такая эволюция взглядов М. Н. Покровского явилась результатом накопления и изучения архивных материалов и обсуждения в научных кругах основных проблем крестьянской войны 1773—1775 годов. Влияние М. Н. Покровского на советских историков 20-х годов было очень велико. В области

³⁰ «Красный архив», 1925, т. 1 (8).

³¹ «Красный архив», 1935, т. 1 (68).

³² Там же, т. 2—3 (69—70).

³³ См. В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л. 1961, стр. 157—164.

³⁴ Н. А. Рожков. Методика преподавания истории и история XIX века. Птгр. 1918; его же. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 7. Птгр. 1923.

³⁵ М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина. М. 1923; С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне—октябре 1774 года. М. 1930; его же. Крестьянство и пугачевщина. К вопросу о социальном содержании пугачевщины. «Записки научного общества марксистов». 1928, № 4.

³⁶ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. СПб. Изд. 1-е. 1911; его же. Русская история в самом сжатом очерке. М. Изд. 1-е. 1920; его же. Новые данные о пугачевщине. «Вестник Коммунистической Академии», 1925, кн. XII; его же. К вопросу о пугачевщине. «Историк-марксист», 1932, № 1—2 (23—24), стр. 75—77; его же. К полусторолетию смерти Е. И. Пугачева. «Правда», 27.1.1925; его же. Предисловие к I тому «Пугачевщины». М.—Л. 1926.

изучения восстания Пугачева оно проявляется в работах Г. Е. Меерсона, С. А. Пионтковского, С. Симонова, С. Г. Томсинского, которые в той или иной мере приняли тезис о том, что это была буржуазная революция, хотя Томсинский и именует восстание Пугачева крестьянской войной, а не революцией³⁷. М. Н. Покровский оказал большое влияние и на тех историков, которые начали свой путь в исторической науке, стоя на позициях буржуазной идеологии. К ним можно отнести Н. Н. Фирсова³⁸. Большой вклад в разработку истории крестьянской войны внесли С. И. Тхоржевский и особенно М. Н. Мартынов, первые работы которого по данной проблеме относятся к 1924 г., а последняя вышла в 1969 году³⁹. Интерес к крестьянским войнам вызвал необходимость созыва специального совещания⁴⁰.

В середине 30-х годов ЦК ВКП(б) занялся вплотную вопросами состояния и развития советской исторической науки и преподавания истории в средней и высшей школе. Это дало возможность значительно продвинуть вперед также изучение крестьянской войны 1773—1775 годов. Подвергся, в частности, критике употреблявшийся в литературе термин «пугачевщина».

Труды, посвященные истории крестьянской войны 1773—1775 гг., вышедшие во второй половине 30-х — начале 70-х годов, носят характер не социологических схем (что нередко имело место в 20-х — начале 30-х годов), а конкретных исследований, основанных на многочисленных источниках. В них подвергается анализу положение народных масс и их классовая борьба накануне восстания Пугачева (то есть предпосылки крестьянской войны); социальные чаяния и стремления повстанцев; формы борьбы восставшего трудового люда; субъективные стремления повстанцев и объективный характер их движения; движущие силы крестьянской войны, степень и форма участия в ней различных социальных групп трудового люда; участие в восстании трудящихся нерусских национальностей; историческое значение крестьянской войны 1773—1775 годов⁴¹. Значительно расширился круг и характер источников,

³⁷ Г. Е. Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России — Пугачевщина. «Вестник Коммунистической Академии», т. XIII, 1925; его же. К историко-социологическому спору о пугачевщине. «Ученые записки» педагогического факультета Саратовского университета. Т. VII, вып. 1. 1929; С. Пионтковский. Очерки истории России в XIX—XX вв. М. 1928; его же. Архив Тайной экспедиции о крестьянских настроениях 1774 г. «Историк-марксист», 1935, № 7 (47); С. Симонов. Пугачевщина. Харьков. 1931; С. Г. Томсинский. О характере пугачевщины. «Историк-марксист», 1927, № 6; его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М. 1932.

³⁸ Н. Н. Фирсов. Пугачевщина. Л. 1924; его же. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань. 1930; его же. Чтения по истории Сибири. Вып. 2. М. 1921.

³⁹ С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. М. 1930; его же. Крестьянство и пугачевщина. «Записки научного общества марксистов», 1928, № 4; его же. Социальный состав пугачевщины. «Труд в России», 1925, кн. 1; М. Н. Мартынов. Пугачевцы в ссылке на Севере. «Борьба классов», 1924, № 1—2; его же. Пугачевское движение на заводах Южного Урала. «Записки научного общества марксистов», 1928, №№ 1, 2; его же. Пугачевское движение на заводах Прикамского края. «Крепостная Россия». Л. 1930; его же. Пугачевский атаман Иван Белобородов. «Исторический журнал», 1943, № 5—6; его же. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева. «Исторические записки», т. 58. Л. 1956; его же. Воскресенский завод в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Исторические записки», т. 8. М. 1967; его же. В дополнении к опубликованной рецензии (О книге «Крестьянская война в России»). «История СССР», 1969, № 4.

⁴⁰ «Совещание по истории крестьянских войн (конспективный отчет)». «Исторический сборник». Т. 1. Л. 1934; см. Л. В. Волков. Проблемы истории крестьянских войн в России в советской исторической науке 1917—1934 гг. «Труды» Московского историко-архивного института. Т. 22. М. 1965.

⁴¹ Специальные работы, посвященные советской историографии крестьянской войны 1773—1775 гг., рецензии на труды, посвященные восстанию под предводительством Пугачева, вышедшие за последние годы, содержат анализ литературы вопроса (см. «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1950 гг.». Т. 1. М. 1956; А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). «Вопросы

используемых современными ее исследователями. В частности, стала очевидной необходимость привлечения произведений устного народного творчества, которое «неотступно и своеобразно сопутствует истории»⁴², отражает социальные чаяния и стремления широких народных масс, в первую очередь крестьянства⁴³.

Историография крестьянской войны 1773—1775 гг. необычайно разрослась, как и количество произведений общественно-политической мысли, публицистики, художественной литературы, изобразительного искусства, театра, музыки, кино, затрагивающих эту тематику. Проблемы крестьянских войн в России обсуждались на страницах исторических журналов⁴⁴. Был поднят ряд важных, принципиальных вопросов, например, о крестьянской войне как высшем проявлении классовой борьбы крестьян, как гражданской войне, в которой основной движущей силой выступает крестьянство, о восстании Пугачева как крестьянской войне, в которой имело место самое четкое размежевание классовых сил, элементы организованности, наиболее четкое выражение социальных стремлений восставших, о роли в ней нерусских народностей и горнозаводских рабочих. Крестьянские войны явились предметом научных сессий и дискуссий⁴⁵. За последние 10—15 лет вышли обобщающие исследования и статьи по общим и частным вопросам истории крестьянской войны 1773—1775 годов⁴⁶.

истории», 1957, № 2; В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1961, № 5; его же. Советская историческая литература о крестьянской войне в России. В кн.: «Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв.». М.-Л. 1966; его же. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. 1. Л. 1961, гл. III; сборник «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (статьи Л. В. Даниловой, Б. Б. Кафенгауза, А. А. Преображенского). М. 1962; В. И. Кириллов. Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI—XVIII вв.). «Вопросы истории», 1965, № 3; В. В. Дорошенко, З. Е. Янель. Заметки о новой литературе по истории феодальной России. «История СССР», 1968, № 5.

⁴² М. Горький. О литературе. М. 1937, стр. 456.

⁴³ Советские фольклористы проделали немалую работу по собиранию, систематизации и изучению фольклора, отражающего классовую борьбу крестьян в крепостной России, в частности крестьянские войны (Б. Н. Путилов. Отражение в народном творчестве крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. «Русское народное поэтическое творчество». Т. II, кн. 1. М.-Л. 1955; А. Н. Лозанова. Песни и предания о Степане Разине и Пугачеве. М.-Л. 1935; «Фольклор Урала». Собр. и сост. В. П. Бирюков. Челябинск. 1949; В. К. Соколова. Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева. «Русское народно-поэтическое творчество». «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XX. М.-Л. 1953; «Русское народное поэтическое творчество». М. 1954; «Исторические песни». Л. 1956; «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях». М.-Л. 1956; К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. М. 1967). К сожалению, в исторических работах анализ фольклора, как правило, или отсутствует вовсе, или крайне недостаточен.

⁴⁴ В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6; И. З. Кадсон, В. В. Мавродин, Т. П. Ржаникова и Н. И. Сергеева. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2.

⁴⁵ В. М. Панеях. Научная сессия по истории крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1964, № 9.

⁴⁶ И. Г. Рознер. Яик перед бурей. М. 1966; его же. Казачество в крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; А. И. Андрущенко. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М. 1969; его же. О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношении к яицким казакам. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М. 1961; его же. Первые призывы повстанцев крестьянской войны 1773—1775 гг. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М. 1963; А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. 1961; М. Д. Курмачева. Действия отряда Марка Петрова. «История СССР», 1960, № 6; ее же. Города Среднего Поволжья и восстание под предводительством Е. И. Пугачева. «Города феодальной России». М. 1966; ее же. Участие крестьян нижегородского села Болдина в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России»; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянская война в России XVII—XVIII вв. Л. 1966;

В 1961 г. Ленинградским университетом было начато, а в 1970 г. закончено издание трехтомного (II и III тома являются коллективными работами) обобщающего труда по истории крестьянской войны 1773—1775 годов⁴⁷. Однако, несмотря на это, некоторые вопросы все еще остаются дискуссионными, требуется продолжение исследования ряда аспектов. Не случайно свою рецензию на книгу «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.» А. П. Пронштейн озаглавил «Решенные и нерешенные вопросы истории крестьянских войн в России»⁴⁸. Только, быть может, следовало бы говорить не о нерешенных, а о спорных вопросах. Новые материалы, а нередко и просто иная точка зрения зачастую превращают вопрос, казавшийся решенным, в дискуссионный.

Несомненным достижением советской исторической науки является признание того, что крестьянская война 1773—1775 гг. была войной гражданской, на что указывал В. И. Ленин⁴⁹. В восстании Пугачева главной движущей силой выступает крестьянство, в первую очередь помещицьи крепостные. Застрельщиком его является казачество, велико значение горнозаводских рабочих Урала и других «работных людей», а также народных масс нерусских национальностей.

Правда, высказывались суждения о том, что нельзя чрезмерно «окрестьянивать» движение 1773—1775 гг. и следует еще раз вернуться к вопросу о роли в ней купечества и городского населения вообще. Однако имеющиеся на сегодняшний день материалы не дают возможности пересмотреть данный вопрос⁵⁰.

В исследованиях последних лет отмечается большая четкость и ясность социальных чаяний и стремлений восставших под предводительством Пугачева народных масс по сравнению с тем, что наблюдалось в ходе предшествующих крестьянских войн. Этот вывод вытекает из сравнения «прелестных писем» и обращений Болотникова, Разина, Булавина с манифестами и именными указами Пугачева, Военной коллегии восставших и письмами-«увещеваниями» и указами предводителей крестьянской войны 1773—1775 годов.

В различного рода документах, вышедших из лагеря повстанцев, в их действиях на территории, охваченной восстанием, нашла отражение антикрепостническая направленность народного движения 1773—1775 годов. Авторы специальных работ о его социальном содержании и направленности (А. И. Андрущенко, В. В. Мавродин) пришли к выводу, что крестьянская война 1773—1775 гг. была направлена против крепостнической системы в целом, что ни о каком компромиссе, ни о каких переговорах и соглашениях с феодалами, с правительством вос-

Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях Пугачев и его сподвижники. М.-Л. 1965; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. 3. М. 1967; И. З. Кадсон. Восстание Пугачева и раскол. «Ежегодник музея истории религии и атеизма». Т. 4. 1960; В. И. Недосекин. Попытка Е. И. Пугачева поднять восстание на Дону и в Черноземном центре России в июле—сентябре 1774 года. «Труды» Воронежского университета. Т. 53, вып. 1. 1960; Л. С. Прокофьева. Об одном следственном показании по делу Пугачева. «Труды» ЛОИИ АН СССР. Вып. 7. 1964; Л. Д. Рыслев. Пугачев в Саратове. «Вестник» Ленинградского университета, 1962, № 8; его же. Суворов и Пугачев. «Ученые записки» Псковского педагогического института. Вып. 23, 1964; его же. О некоторых особенностях крестьянской войны в России в 1773—1775 гг. Там же; его же. Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам. Там же; его же. Об участии донского казачества в Крестьянской войне 1773—1775 годов в России. Там же. Вып. 32, ч. 2. 1966; В. В. Мавродин. Основные проблемы крестьянской войны в России в 1773—1775 гг. «Вопросы истории», 1964, № 8.

⁴⁷ В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Тт. I—III. Л. 1961, 1966, 1970. На трехтомник было опубликовано 22 рецензии, из них 14 в Польше, Чехословакии, ГДР, Венгрии, США.

⁴⁸ «Вопросы истории», 1967, № 7.

⁴⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 77.

⁵⁰ А. И. Андрущенко. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Янке, в Приуралье, на Урале и в Сибири, стр. 317.

ставший трудовой народ не помышлял и в ходе ожесточенной классовой борьбы вопрос стоял «или — или». В этом отношении крестьянские войны в России отличались от крестьянских войн на Западе — Жакерии, восстания У. Тайлера, гуситских войн, крестьянской войны в Германии⁵¹.

Восстание Пугачева отличалось, как, впрочем, и все другие крестьянские войны в России XVII—XVIII вв., тем, что религиозные мотивы играли в нем ничтожную роль⁵². Общие социальные стремления объединили «никониан» и староверов, мусульман и буддистов, католиков и протестантов из числа «поселенных на Волге саксонов». Крестьянская война 1773—1775 гг. охватила обширную территорию на востоке России: Поволжье и области, примыкающие к нему, Подонье, Приуралье, Прикамье, Урал, Западную Сибирь, она нашла отклик на Украине, на Севере, в Петербурге. Но подлинно общенациональный характер придала ей не столько территория, ею охваченная (как ни была она обширна), сколько то, что в ходе ее встал вопрос о существовании крепостной системы в масштабах всей страны.

Ожесточенность классовой борьбы во время восстания Пугачева, удары огромной силы, нанесенные крепостникам и правительству восставшим крестьянством, большая целеустремленность действий восставших, важные политические последствия крестьянской войны, выразившиеся прежде всего в паническом страхе феодалов и самодержавия перед новой «пугачевщиной», заставляют признать в ней самую значительную из всех крестьянских войн, имевших место в России⁵³. Е. В. Тарле, сравнивая историческое значение крестьянской войны в Германии и восстания Пугачева, отдавал предпочтение последнему. Считая пугачевское восстание гражданской войной, он подчеркивал, что оно длилось «не месяцы, а годы и достигло такого размаха и успехов, о которых в Германии и речи не было»⁵⁴.

Советские историки опубликовали множество материалов и создали ряд монографий об участии нерусских народностей в восстании Пугачева — украинцев, башкир, татар, чувашей, мордвы, мишарей, казахов, калмыков, удмуртов, мари, немцев Поволжья. Значение этого выступления трудовых масс нерусских народностей очень велико. Публикации и исследования в этой области продолжаются⁵⁵.

⁵¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 292.

⁵² И. З. Кадсон. Главы XXV и XXVI в III томе «Крестьянской войны в России в 1773—1775 гг.»; е го же. Восстание Пугачева и раскол.

⁵³ И. И. Смирнов считал восстание Болотникова самой значительной крестьянской войной в России (см. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М.-Л. 1949, стр. 493; «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.», М. 1966, стр. 88).

⁵⁴ Е. В. Тарле. Пушкин как историк. «Новый мир», 1963, № 9, стр. 218.

⁵⁵ См. В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. 1, стр. 171—177. За последнее время опубликованы: Р. В. Овчинников. Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому походному старшине Адылу Ашменову. «История СССР», 1972, № 2; Е. Б. Бекмаханов и Г. И. Семенов. Казахи в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Ученые записки» Казахского университета. Т. 54, вып. 12. Алма-Ата. 1963; Г. И. Семенов. Материалы об участии казахов Младшего и Среднего жузов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Там же; Н. Е. Бекмаханова. О Невидимке в Младшем жузе в 1775—1776 гг. О движении сторонников Пугачева. «Известия» АН Казахской ССР. Серия общественных наук, 1966, № 7; е е же. Отголоски крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева в Младшем жузе (1775 г.). «Сборник статей аспирантов и соискателей». Общественные науки. Вып. 7. Алма-Ата. 1965; е е же. Участие казахов в осаде Оренбурга с октября 1773 по март 1774 года. Там же. Вып. 8, ч. 2. Алма-Ата. 1965; е е же. Участие казахов Среднего жуза в крестьянской войне 1773—1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева. Там же. Вып. 6, ч. 2. Алма-Ата. 1968; е е же. Легенда о Невидимке (участие казахов в крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 гг.). Алма-Ата. 1968; К. С. Маханек, С. М. Томсинский. Новые материалы о крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева. «Вопросы истории», 1972, № 8; Т. И. Беликов. Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста. 1971; А. Н. Усманов. Кинзя Арсланов — выдающийся сподвижник Пугачева. «Исторические записки». Т. 71. М. 1962; В. М. Панеях. О степени

В крестьянской войне 1773—1775 гг. элементы порядка и организованности проявились в большей степени, нежели в предшествующих войнах. Об этом говорят Государственная военная коллегия восставших, Походная канцелярия, органы восставших, созданные на местах и осуществлявшие административные, судебные, военные функции, организация Большого войска, или Главной армии, способы ее комплектования и т. п.⁵⁶.

Неясные стремления к равенству и справедливости, «настроение примитивной крестьянской демократии»⁵⁷ времен крепостного права, мечты о мире воли и труда (заветные чаяния крестьянства) нашли отражение в пугачевских манифестах и указах, в обращениях его полководников и атаманов, в фольклоре. В них речь идет о «равных» для всех «пожалованиях», о нетерпимости «худых дел», о помощи всем «заблудившимся» и «изнурительным», «нуждным» и «печальным», о всеобщем равенстве. Все равны, все дети Третьего императора, «как россияне, так и иноверные... вровне»: «мухаметанцы и калмыки», «киргисцы и башкиры, татары, мещеряки» и «поселенные на Волге саксоны» — все «народы разного звания». А сам Пугачев — «больших и меньших в одном классе почитатель, скудных и богатейших государь и милостивый царь». Эти лозунги и призывы отражали народное представление о справедливости, об идеальной жизни. То обстоятельство, что в фразеологии идеологов «просвещенного» абсолютизма встречаются некоторые сходные выражения, свидетельствует лишь о фарисействе правящих верхов. По этому поводу еще Ф. Энгельс писал: «Просвещение» являлось таким же девизом царизма в Европе в восемнадцатом веке, как «освобождение народов» в девятнадцатом... Любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения...»⁵⁸.

Лейтмотивом социальных чаяний крестьянства являлась идея равенства. Поскольку «крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений... не реакционно, а прогрессивно»⁵⁹, то и «идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности», она, эта «идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»⁶⁰. В. И. Ленин подчеркивал, что «крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма»⁶¹.

Очень важен вопрос о причинах поражения восставшего крестьянства. Советские ученые усматривают их не только в слабости народных

участия народностей Башкирии в крестьянской войне 1773—1775 гг. на первом ее этапе. «Ученые записки» Пермского университета, № 158. Пермь. 1966; «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии». Сборник документов. Чебоксары. 1972; В. Спирков, А. Куликова. Новые материалы по истории крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. «Вопросы истории», 1963, № 1; В. В. Мавродин. Об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л. 1967.

⁵⁶ Органы власти восставших на местах носили различный характер. Иногда возникло казачье самоуправление с кругом и выборными начальниками. Во многих местах сохранялись канцелярии, магистраты, волостные и земские избы. При каждой волостной избе создавалась канцелярия. Менялись люди, их возглавлявшие, а вместе с ними и социальная направленность деятельности этих учреждений, хотя названия оставались прежними. Во многих городах во главе повстанцев стояли воеводы «с присутствующими мирскими людьми», а в деревнях — старосты, есаулы, сотские, десятники и атаманы. Для связи с органами власти на местах Государственная военная коллегия учредила «подводную гоньбу» и «конную почту».

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 20.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 24.

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 235.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 213.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 340.

масс, в специфике крестьянских войн вообще, в так называемых ошибках Пугачева, в голоде, охватившем Поволжье, и в «пугачевщине без Пугачева» — стихийном восстании крестьян Поволжья, но и в силе противостоявшего повстанцам крепостнического лагеря. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии... мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его»⁶².

Причины, в силу которых восстание Пугачева было последней в истории России крестьянской войной, крылись в повсеместном укреплении крепостнической государственности, а также в известной степени в эволюции казачества, из застрельщика крестьянских войн превращавшегося в оплот царизма.

Историческое значение восстания Пугачева состояло не в непосредственных его результатах — одним из них была дворянская реакция — и даже не в экономической политике правительства, направленной на развертывание хозяйственной деятельности «прожиточных», «капиталистских» крестьян, а в росте «духа неповиновения» крестьян, в том, что их неясные социальные помыслы все более уступали место фиксации в народной памяти грозного восстания, когда «на слом» крепостнической системы поднимались деды и прадеды, что нашло отражение в устном народном творчестве и страхе, в котором пребывали верхи крепостнического общества.

Восстание Пугачева отразилось на общественно-политической мысли, на освободительном, революционном движении в России, от Радищева и декабристов до революционных демократов и революционного народничества. Наконец, историческое значение «грозной пугачевщины» (В. И. Семевский) заключалось в том, что в годы предреформенной революционной ситуации именно опасение ее повторения побудило правящие круги провести освобождение крестьян «сверху», чтобы оно не произошло «снизу».

В заключение следует отметить, что некоторые вопросы истории крестьянской войны 1773—1775 гг. остаются дискуссионными, другие требуют доработки⁶³. К первым следует отнести вопрос об идеологии восставших. Одни авторы полагают, что в документах, вышедших из лагеря повстанцев, отражалась их идеология (А. И. Андрущенко, В. В. Мавродин, А. Н. Сахаров, В. Д. Назаров)⁶⁴, другие считают, что идеология сознательно вырабатывается мыслителями, занятыми лишь теоретической деятельностью, требующей образования, научных знаний и времени, чего у крестьян не было (П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахматуллин)⁶⁵. Спорным является и вопрос о социальных стремлениях восставших народных масс, которые, по мнению некоторых авторов, не выступали против крепостнической системы в целом, а боролись только за «смягченный», «более благоприятный для крестьян вариант феодальных отношений»⁶⁶. Отдельные историки полагают, что восставшее крестьянство вообще не способно бороться «за», ему свойственна только борьба «против», то есть «уничтожение существующих условий и уничто-

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 40.

⁶³ А. П. Пронштейн, А. А. Пушкаренко. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Итоги и перспективы исследования. «Вопросы истории», 1971, № 8; П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахматуллин. Некоторые итоги изучения крестьянской войны 1773—1775 гг. «История СССР», 1972, № 2.

⁶⁴ См. рецензию А. Н. Сахарова на сборник «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма» (М. 1970). «Вопросы истории», 1971, № 8, стр. 159; В. Д. Назаров. О некоторых вопросах ленинской теории классовой борьбы русского крестьянства в эпоху позднего феодализма. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма».

⁶⁵ П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахматуллин. Указ. соч., стр. 82—83.

⁶⁶ Там же, стр. 83, 87—88.

жение тех, кто их создал и защищает,— вот смысл крестьянской войны»⁶⁷. Имеет хождение также взгляд на социальный строй казачества как на нечто чуждое крестьянству, занимающемуся в отличие от казачества производительным трудом. Поэтому и «показаченье» во времена восстания Пугачева рассматривается как нечто, происходившее «помимо воли и желания крестьян»⁶⁸. К проблемам, требующим дальнейшей разработки, следует отнести такие вопросы, как планы движения повстанческого войска; участие в восстании различных групп крестьянства (в том числе «прожиточных»); причины различного поведения рабочих людей в разных районах и на разных этапах крестьянской войны; формы и степень участия в восстании городского населения. Обширный материал, введенный в научное обращение за последние годы, многочисленные и разнообразные исследования советских историков, проведенные ими дискуссии дают основание надеяться, что и эти вопросы будут успешно разрешены.

⁶⁷ Б. Ф. Поршнев. *Феодализм и народные массы*, стр. 313.

⁶⁸ П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахматуллин. *Указ. соч.*, стр. 86.